Я открыл глаза и увидел Серёгу. Он поднимался с расстеленных на полу тряпок. Глаза его мерцали диким похмельным блеском. Он знал, что делал.

— Дружно встаем и тихо уходим, — заговорщицки шепнул я, давая понять, что с ним заодно.

Серёга ничего не сказал, бесшумно и уверенно исчезая в сторону кухни. С легким шорохом я метнулся за ним. Серёга открыл холодильник, я — морозильник.

— Базин все сюда спрятал, чтоб сразу не нашли и без него не начали, — чуть громче проговорил я.

Серёга только кивнул, выуживая заледеневшие литровые бутылки «Оболони». Он взял две, и я две.

— Как мы их пить-то будем? — тревожно спросил Серёга.

— Отогреем на солнце.

Мы выглянули в окно. Яркое солнце слепило глаза.

— Куда пойдем? — подобревшим голосом спросил Серёга.

— В лес на лужайку.

Прямо за окнами чуть покачивались набухшие почками деревья в огромном парке.

— Гитару сразу заберу, — сообщил Серёга, осторожно вытягивая свой инструмент из комнаты, где похрапывал Базин. — Может, домой потом поеду.

Мы обулись, спустились во двор и быстрыми шагами вошли в Лосиноостровский парк. Как и в прочих его частях, здесь повсюду были обжитые полянки с костровищами и мусорными кучами. Мы обходили стороной самые грязные, похожие на обрывки пейзажа апокалипсиса, в поисках места поприличнее. За кустами что-то блеснуло. Отгибая ветки, я пробрался вперед и попал на небольшую опрятную полянку. В центре ее стоял приемник с поднятой антенной.

— Вэф двести два, — прочитал я и нажал кнопку включения.

— Он вдруг понял, что сейчас они разойдутся и он останется в сумеречном лесу, где за каждым кустом может таиться пришелец или что-нибудь еще похуже, — сообщил из приемника чей-то печальный голос.

— Ой, — вздрогнул я и выключил.

— Вот я всегда говорил, поосторожнее с кнопкой включения, не надо спешить, — сказал Серёга. — Ну, мы-то пока не собираемся расходиться. А ничего местечко, еще чистенькое.

— Да и пришельцев вроде за кустами нет. Остаемся. Эх, чудесно, я бы здесь…

— Хорош болтать, Славик, клади бутылки сюда на солнцепек. А вот эта у меня в руках подтаяла, с нее и начнем.

Едва Серёга взялся за крышку, как вместе с шипением из-под нее послышался треск в кустах, кто-то упорно пробирался через заросли. На краю поляны появился среднего роста толстячок с дровиной на плече. Он почти прошел мимо, но остановился и пригляделся к нам. И вдруг решительно двинулся в нашу сторону.

— Музыканты, — глядя на гитару, утвердительно сказал толстяк, как только оказался возле нас.

Серёга молча кивнул, так и не смочив горло.

— Я так себе музыкант, но иногда бывает пишу тексты к песням, — поддержал беседу я.

— А мы в десяти шагах отсюда сидим втроем с друзьями, у нас все есть, выпить закусить, музыки не хватает.

— Да мы только…

— Тогда давайте мы к вам, — проговорил толстячок, бросил дровину и исчез за кустами.

— Н-да, вот и пришельцы объявились, — сказал я, нажимая кнопку включения приемника. — Чего от них ждать…

— Подходите ближе, не торопиться… Почему вы есть в лесу в такое время? — спросил «VEF-202» и, пошипев, закончил: — Продолжение рассказа Кира Булычёва «Звездолет в лесу» слушайте завтра в это же время.

— Вот это да! — восхищенно воскликнул я. — С нами приемник разговаривает.

Серёга в это время вытряс из бутылки в себя все, что успело оттаять.

— Да как с нами не поговорить. Не только приемники, в этом лесу с нами скоро деревья и птицы начнут разговаривать, а выйдем отсюда в город, там на улицах дома и столбы поболтают с нами, — выдохнув утреннее напряжение и закуривая, неспешно говорил Серёга. — Будем ждать этих троих из леса или ну их?

Решить, что делать, мы не успели.

— А вот и мы! — уже откуда-то из-за деревьев кричал толстяк.

— Да ладно, посидим, как-то интересно все происходит, значительно даже. Зачем спешить, к тому же завтра продолжение про звездолет в лесу, послушаем, — сказал я.

— И пиво у них наверняка незамороженное, — согласился Серёга.

Трое мужиков лет на пять постарше нас появились из леса красиво и непринужденно, как забуревшие негасимые звезды шоу-бизнеса. Шли легко и неспешно.

— По ходу местные блатные, — предположил Серёга, пока они приближались. — А тот черненький у них самый авторитетный.

— Это же Лёвка, сын Севы Чёрного, — шептал потом толстячок, кося глазами на брюнета, — батя его вор в законе, сейчас

на отсидке, но оттуда через друзей так и держит весь Метрогородок.

— Мы люди простые, все, что у нас есть, музыка, вода и свет, — говорил я, глядя в честные глаза наших новых знакомых.

— Это хорошо, что мы тут собрались, — говорил Лёва, — такие встречи нужно ценить, угощать друг друга и петь песни. Никто не знает, сколько еще нам Бог даст таких встреч.

Они явно на чем-то торчали. То по очереди, то вместе отбегали каждые полчаса в сторону и возвращались, задорно поблескивая стеклянными зрачками. Впрочем, нас это мало касалось, нас угощали, кормили и просили спеть, что сами пожелаем.

— Н-да, — сказал толстячок, дослушав Серёгину песню про белых индейцев у костра, — а я ведь тоже когда-то выступал.

— Как? На сцене?

— Да, профессионально. Как пародист. У меня отличный голос, я могу пародировать многих известных певцов. Хотите песню о родине любви?

— Какую именно?

— Муслим Магомаев, песня «Земля — родина любви», исполняет Олег Звягинцев, — сообщил толстячок.

И тут лес наполнился голосом Магомаева. Это было сильное ощущение присутствия музыкального гения. Как будто он сам находился с нами на солнечной полянке:

— Земля — родина любви! Звенит надежд твоих листва! Земля, солнечно живи! Живи, пока любовь жива!

— Вот это круто, — сказал Серёга, когда песня отзвучала. — Вот это ты молодец! А чего теперь не выступаешь?

— Не потянул шоу-бизнес, — смущенно проговорил Олег.

Вдалеке кто-то прокричал: «Урааа!»

— Слушай, старина, — обратился я к толстячку. — Да ты талант, и репертуар у тебя что надо. А мы как раз возвращаемся с вечеринки нашего журнала о шестидесятых, отмечаем его день рождения с первого мая. Вот тебя там и не хватало, Олежка! С твоим исполнением Магомаева был бы ты у нас на празднике первый человек.

Олег расчувствовался от нашей похвалы и стал торопливо рассказывать самые яркие моменты своей биографии. Повидал

он немало, и все у него было: дом, любимая работа, красавица жена и дети. Но, как это часто происходит, не удержался мужик и спился от счастья. И теперь проводил свободное время с дружками детства, они тоже подросли, но остались оболтусами, еще и заторчавшими. Хорошо, что не агрессивными.

— Я в юности очень Джетро Талл любил, — рассказывал Олег, — прям заслушивался и на флейте именно поэтому научился играть.

— Ты еще и на флейте играешь! Подожди-ка, — вспоминал я, бормоча себе под нос, — мы ведь плакаты дарили, точно помню, остался один.

Вчера на рассвете перед возвращением домой мы наводили порядок на праздничной поляне, и я нашел кем-то оставленный наш фирменный прорезиненный постер и как раз с Яном Андерсоном, играющим на флейте. Гости с первомайских вечеринок еле ноги уносили, оставляя по всему парку призы и подарки.

Я достал чуть потертый с впечатанными прошлогодними листьями по краям незабываемый постер.

— Вот владей, ему сносу нет. Это тебе от журнала «60-е!» за прекрасное исполнение песни Муслима Магомаева, — я торжественно вручил постер Олегу. Тот даже немного остолбенел, не веря в происходящее.

Невероятно теплый, по-летнему, день пролетал весело и быстро. Наши знакомые, изрядно захмелев, стали путать нас с кем-то и заговариваться. Даже Олег вел себя странно и временами играл на воображаемой флейте.

— Мы теряем с ними контакт, пора валить, — сказал Серёга.

— Согласен, — кивнул я.

Было еще светло и тепло, солнце только двинулось на закат. И в очередной раз, когда вся троица отлучилась, мы прихватили инструмент, приемник, оттаявшие бутылки с «Оболонью» и ушли по-английски, не попрощавшись.

Серёга недолго шел впереди.

— Где это мы? — вдруг спросил он и остановился.

И тут я тоже осознал, что в пространстве вокруг что-то изменилось. Причем очень существенно и в лучшую сторону.

— Листья проклюнулись! — понял я. — Мы первого утром вошли в весенний лес, а выходим третьего вечером из летнего.

— Вот так значит, хорошо, — остановился Серёга и принюхался. — А пахнет-то как! Чудесно!

— Серёга! Славка! Вы где? — услышали мы звавшего нас Олега.

— И не видно ничего в таком зазеленевшем лесу, — расслабленно проговорил я. — Ни людей, ни кренгов.

— Кто такие кренги?

— Да вспомнил я этот рассказ «Звездолет в лесу». Читал его в юности, там биороботы кренги за кем-то по лесу гоняются.

— Тихо… А это кто идет? Не наша ли троица блатных удолбанных кренгов? Да тихо ты, стой, тс-с.

Из листвы появилась лошадь, неспешно перешла тропинку и исчезла в зеленых ветках.

— Раз, и не видно ничего, — повторил я.

— Тамара, — сказал Серёга.

— Кто?

— Лошадь.

— Почему не Марина?

— Здесь конная ферма недалеко. Хорошая ферма, там друг Чёрного Лукича работает. Мы поздней осенью перед его концертом в «Вереске» поехали туда в гости, костер жгли, на лошадях катались. Я там эту Тамару видел и запомнил.

— Ну сегодня прямо день встреч и воспоминаний. Интересно, чего это Тамара одна по лесу бродит.

— Славка! Серёга! — голос удалялся.

— Гуляет, как и мы, — сказал Серёга.

И мы спокойно пошли дальше.

К выходу из парка на другой стороне, ближе к метро на улице Подбельского, мы подошли уже в сумерках.

— Ребят, огонька не найдется? — окликнул нас осипший голос.

В тени деревьев скучал молодой парень и с надеждой смотрел на нас. Мы ему дали спичек, он нам — закурить.

— Вы музыканты? — спросил парень.

— Да, мы музыканты, — сказал Серёга. — А вы тут чего сегодня все по музыке соскучились?

— Ты вроде тоже не дурак попеть, голос, видно, недавно сорвал, — запросто сказал я, парень внушал доверие.

— Ага, квартирник был тут рядом, Радегаст пел, Вальдемар Леон, ну я под конец спел свое и чужое. Меня Влад зовут. Подругу вот проводил в Метрогородок. Иду обратно, курить захотелось дико. Слушайте, а вы Подорожного песни знаете?

— Чего?! — удивился Серёга.

— Кого? — не поверил я слуху.

— Есть такой Подорожный Саня из Сибири.

— Знаем, сами из Сибири.

Парень сразу перестал скучать.

— Да ладно!

— Прохладно. Ты-то откуда знаешь? Сибирь, это ж далеко.

— Ну такой вот я любитель дальнего приема, — засмеялся Влад своим страшным охрипшим смехом.

Вскоре мы забрались во двор, где хорошо знали сибирский рок и проходили квартирники. Подтянулись еще люди, шурша пакетами из супермаркета. Наша встреча затянулась за полночь. Под конец Серёга тоже потерял голос от пения и хрипел с пареньком в одном тембре:

— Мы еще успеваем на метро?

— Без четверти час… Успеваем! Побежали!

Упав на сиденья в последнем вагоне последнего поезда, мы почти сразу же уснули.

Глубокой ночью мы бродили по юго-западу Москвы и слушали приемник. Он ловил в основном дальние волны и больше трепался на отвлеченные темы на незнакомых языках, чем передавал музыку.

— Может, возьмем такси и доедем до меня в Алтуфьево, холодно еще на лавочке ночевать, — предлагал я.

Серёгина квартира была еще дальше, за МКАДом, в Ивантеевке.

— А деньги?

— Доедем отдадим.

— У тебя есть?

— У Дины есть.

— Она тебе даст?

— А куда ей деваться.

Трясясь от холода, мы остановили машину и поехали на другой конец города. Не без нервотрепки выгрузились, расплатились и подарили Дине радиоприемник «VEF-202». Она им не хотела восхищаться так же, как мы.

— Жена твоя звонила, — хмурилась Дина на Серёгу. — Где ваши телефоны? Почему не отвечаете второй день?

— Мы были на дальнем приеме, получали сообщения исключительно через приемник.

— Дураки вы, а не сообщения получали через приемник.

— Дураки мы, — согласился Серёга и лег спать.

Утром за ним приехала жена. Но еще долго Серёга не хотел расставаться с приемником, до вечера вчетвером мы гуляли по Алтуфьевскому парку, радуясь молодой листве, и слушали завершение рассказа «Звездолет в лесу».

— Мои друзья сошли с ума на почве космических пришельцев. В остальном они вполне нормальные люди, — говорил приемник веселым голосом.

Последующие два года я таскал VEF на все вечеринки журнала «60-е!» и пересказывал начинающим радиолюбителям, как он у нас появился, как ведет светские беседы, добавляя в историю новые и новые увлекательные подробности. Каждый раз при этом включая приемник и убеждаясь, что он подает реплики всегда в тему и очень убедительно.

Давно известно — в жизни все течет и изменяется, а многое исчезает и часто бесследно. На третий год нашей нежной дружбы утекли и исчезли приемник и Дина. Жаль, что не в одном направлении. Дина в горы к новому дружку, а VEF просто опять где-то в лесу остался. Без них я сразу почувствовал себя одиноко и тоже уехал в далекий сибирский городок, где у меня имелся садовый участок и две взрослые сосны. С ними всегда было уютно, они никуда не исчезали и тянулись вверх. Если накатывала грусть, я вскарабкивался по сосне ближе к макушке, ложился на ветви, как матрос на гроттрюм-рее, и смотрел в небеса, получая оттуда позитивные сигналы.

— Да, — обращался я к сосне, так как больше поговорить было не с кем, — видимо, так и есть… Счастливы те, кто плывут на своих днях, как на кораблях.

Приближалось Первое мая, и я решил отметить праздник. Нарядить сосны воздушными шарами, позвать друзей и слушать музыку.

— Надо найти двести второй ВЭФ, и праздник будет незабываемым, — озвучил я идею, пришедшую в голову.

Поиски начались через одного знакомого, он ходил по барахолкам, по старьевщикам и скупщикам, выискивая советскую радиотехнику. И не просто складывал коллекцию в красном углу на полочки, а переустроил под экспонаты всю свою трехкомнатную квартиру.

— Это модели пятидесятых, вот известная «Балтика-52». Здесь стеллажи шестидесятых, ну этого добра ты в вашем музее шестидесятых насмотрелся, — рассказывал Юра, прогуливая меня по комнатам своего личного музея.

Он весь светился от восторга и ждал восхищений.

— Чудесно! Великолепно! Это сколько ж работы проделано, — восхищался я как мог. — Зачем тебе их столько, старина?

— Ты не представляешь, сколько я мусора перебрал. Но это все история, наша история. Ведь это предметы нашего детства. Они часть нас самих. Понимаешь?

— Как не понять, понимаю. О! Вот он! ВЭФ! — обрадовался я, увидев знакомые очертания.

— Это двести первый, а вот двести второй. Таких у меня по одному, и оба работают… Могу, конечно, тебе дать попользоваться на Первое мая, но с возвратом.

— Не, старик, я свой хочу иметь.

— Поедем в воскресенье на барахолку, думаю, найдем и тебе.

Воскресенья я еле дождался, до первого мая оставалось три дня. Выходной выдался пасмурным.

— Вот такая модель у меня есть, — показывал Юра на квадратную пластмассовую штуковину, похожую на большую мыльницу. — А вот этот «Север» надо будет взять, такого в моей коллекции нет.

Мы двигались вдоль импровизированного торгового ряда. Люди, такие же поношенные, как их товар, предлагали не так давно забытые вещи, обломки прошлого века. Попадались забавнейшие экземпляры, но довольно редко.

— Гляди! Кажется, мой ВЭФ! — обрадовался я.

Мы подошли ближе.

— Немного не такой, это юбилейное издание? Сколько стоит, Николай?

— Полтора рубля, состояние идеальное, — хмуро ответил дядя в бушлате, попыхивая дешевой сигаретой.

— Дорого, — признался я, отходя в сторону. — А ты что, их всех знаешь по имени?

— Да я тут каждые выходные, с некоторыми в их гаражах встречаюсь, где они свое добро хранят. О, вот это нужно взять!

Вскоре Юра нагрузился неработающей ветошью: потрескан-ный виниловый проигрыватель «Ария-102», вертушка «Кавказ», пара магнитофонов «Вега» и мелочь типа «Альпиниста-417».

— Ну, я пошел домой, оттащу добычу. А ты посмотри еще вон там у теток.

Я подошел к старушке, стоявшей на углу. И сразу увидел свой VEF, вернее похожий, это был VEF Spidola-232. Мне он понравился.

— Сколько?

— Пятьсот.

— Беру. А э… Он работает?

— Пока муж был жив, работал. А после я его и не трогала.

— И сколько он у вас так простоял без дела? — поинтересовался я, разглядывая дарственную надпись: «Папе от Сергея. 13.07.1985 г.»

— Год почти.

— Привет! — услышал я за спиной.

Я обернулся и увидел Таню.

— Ты чего здесь делаешь? — спросила она.

— Да вроде все уже сделал, — сказал я, — вот нашел, что искал.

— А что это?

— Близкий родственник одного знакомого ВЭФа. Долгая история, по дороге расскажу. Ты сама как здесь? Принесла старые утюги? Ищешь ретро-скалку или пластинку Жанны Агузаровой?

— Нет, вышла из дома, села в трамвай. Еду, смотрю — ты. А ты в гости обещал зайти в выходные. Я подумала, может, ты ко мне.

— Давай сначала в лес, по дороге купим батарейки, — я расплатился за приемник. — А потом к тебе. Если не работает, обратно принесу.

Это я сказал уже бабушке.

— Приноси, сынок, — кивнула та.

Я посмотрел на небо. Понемногу прояснялось.

— В лесу хорошо сейчас, пошли, — согласилась Таня, с улыбкой разглядывая меня и мою покупку.

По дороге между магазином и лесом я рассказал историю моего первого приемника VEF, особо упирая на его умение поддержать беседу неожиданной репликой.

— Ну ты сказочник, Славик, — Таня недоверчиво качала головой.

— Это есть, да, я сказочник. На днях отдал рассказ в журнал. Там прочитали и заявили, что рассказ, в принципе, хорош, но только в тех местах, где герой накатывает по рюмашке, нужно заменить алкоголь на сок или чай. Я легко на это согласился, давно ведь не печатали, и заменил, как просили. Получилась сказка. Взрослый такой веселый мужик хаотично перемещается и, ощущая непрерывную жажду, постоянно пьет сок, чай, кофе, морс и лимонад. Самое интересное, дуреет он с них так, что порой лыка не вяжет. А иногда несет такую балду, что хочется пойти и отлить себе его сока. Н-да, психоделично так получилось…

— И напечатают?

— Сказали, напечатают.

В лесу мы встали на самом солнечном пригорке, и я торжественно выдвинул антенну. VEF некоторое время пошипел. Замолчал. Я стал усиленно переключать диапазоны и крутить ручку настройки.

— Привет любителям дальнего приема! — вдруг проговорил, как пропел, наиприятнейший мужской голос.

— Здравствуйте, друзья, — прозвучал следом такой же проникновенный женский голос. — Мы ведем свою передачу из Бухареста.

— Ух ты! — вскрикнула Таня.

— Вот так вот, — спокойно проговорил я, удивленный не меньше.

— Наш сигнал ловят в Пензе, Варшаве, Архангельске, Новосибирске и Воронеже.

— И Барнауле, — сказала Таня.

— В Барнауле, Санкт-Петербурге, Саратове и Москве, — отозвалась женщина.

И вместе с мужчиной она стала называть имена и адреса любителей дальнего приема, которые, поймав сигнал, сразу написали об этом на электронную почту программы. Передача длилась минут пятнадцать, пока было чего перечислять: кто, в какое время и на каком этаже принял сигнал. Потом они еще немного пошутили, что пароль у них «Мария Стюарт», а отзыв «Граф Монте-Кристо».

— Спасибо всем отозвавшимся, особенно Тамаре и ее другу Дэнису из Красноярска, они только что дали знать о себе, написав немало добрых слов, — напоследок сказала женщина.

Когда приемник замолк, Таня спросила:

— Это все?

— Все.

— И чего дальше?

Я задумался и молчал.

— Интересно, кто такая Тамара?

— Человек, не лошадь же, — отозвался я. — А вот чего дальше, трудно сказать. Ты знаешь, Тань, может, по большому счету в мире ничего не меняется. Меняется только его настроение, его оттенки, и мир разными способами рассказывает нам об этом, как лучшим друзьям, весело, непринужденно и интересно. Настраивает нас на прием чего-то большего, что есть всегда. Возможно, поэтому в том месте, где один Андерсен напишет сказку о механическом соловье, там через сто лет другой Андерсен изобретает механическую пчелу.

— Это ты к чему?

— Да так… Про Андерсена это я вчера в новостях услышал, запомнил. Думал, пригодится, в рассказ вставить или в песню.

Я покрутил ручки приемника. Лишь далекие голоса и музыка вперемешку с треском и свистом надрывали эфир.

— На сегодня, наверное, пока все. Пойдем сока попьем, — предложил я.

— Какого сока?

— Нормального сока, чтоб до нутра пробрало. Такие истории, как с ВЭФами, у меня в жизни не часто случаются. Чувствую, сегодня я реально перешел на дальний прием.

— А раньше ты на каком был?

— На среднем и близком, получается… Хотя нет, я всегда был на дальнем приеме, и сегодня мир весело рассказал мне об этом.

— Очень весело, — согласилась Таня. — Куда пойдем?

— К тебе, как договаривались. Если можно…

— Можно.

Мы зашли в магазин, взяли сока, закуски и сидели до позднего вечера, время от времени включая приемник и покручивая ручки, а потом залезли в постель, просто чтоб согреться. Больше ничего нового мы в тот день не увидели и не узнали.

Утром по дороге на работу я зашел в редакцию журнала. Мне навстречу выбежала заведующая отделом культуры и восторженно сообщила:

— Слава, прочитала ваш рассказ на верстке! Спасибо вам! Ваш герой, конечно, немного странно себя ведет, но в тексте есть такие прекрасные слова. Вот, я даже выписала их: «Всякий путь лежит сюда, в сжигающую чистоту. Ибо тот, кто ее коснулся, неминуемо к ней и вернется». Это вы очень здорово написали! Сжигающая чистота! Спасибо!

— Вам спасибо!

— Откуда такие слова берутся?

— А за это спасибо дальнему приему, — подмигнул ей я.

Она мне еще раз «спасибо», я ей в ответ «спасибо-спасибо». И мы разошлись довольные друг другом. Она — не знаю куда, а я — за соком.